

ГОРВИ ГОЛОВА

ЧЕЛОВЕК БЕЗ СТРАХА

ПОЛ КРИЛЛИ

АДАПТАЦИЯ ГРАФИЧЕСКОГО РОМАНА ФРЭНКА МИЛЛЕРА И ДЖОНА РОМИТЫ-МЛАДШЕГО

MARVEL

Вселенная Марвел

Пол Крилли

**Сорвиголова:
Человек без страха**

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

Крилли П.

Сорвиголова: Человек без страха / П. Крилли — «АСТ»,
2017 — (Вселенная Марвел)

ISBN 978-5-17-099743-5

Мэтта Мёрдока воспитывал отец-одиночка – стареющий боксер, последний бой которого должен был стать венцом его карьеры, а в итоге стоил ему жизни. Все детство Мэтт сносил насмешки и издевки одноклассников, пока его жизнь бесповоротно не изменил один эпизод: спасая незнакомого старика, он ослеп от радиации. Но нет худа без добра – в результате несчастного случая все остальные чувства Мэтта невероятно обострились, а его негибемая воля и острый ум помогли ими управлять. История Мэтта – это история о любви, страдании, обманутых надеждах и невероятной силе духа. Узнайте все о невероятных приключениях одного из самых популярных героев «Марвел» в новой трактовке!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

ISBN 978-5-17-099743-5

© Крилли П., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Часть I	8
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	25
Глава 5	32
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Пол Крилли
Сорвиголова: Человек без страха
Адаптация графического романа Фрэнка Миллера и Джона Ромиты-младшего

DAREDEVIL: THE MAN WITHOUT FEAR

Paul Crilley

Originally published in the English language by MARVEL WORLDWIDE, INC.,
A subsidiary of MARVEL ENTERTAINMENT, LLC.,
under the title Daredevil: The Man Without Fear Prose Novel

VP, PRODUCTION & SPECIAL PROJECTS: JEFF YOUNGQUIST

ASSOCIATE EDITOR, SPECIAL PROJECTS: CAITLIN O'CONNELL

MANAGER, LICENSED PUBLISHING: JEFF REINGOLD

SVP PRINT, SALES & MARKETING: DAVID GABRIEL

EDITOR IN CHIEF: AXEL ALONSO

CHIEF CREATIVE OFFICER: JOE QUESADA

PUBLISHER: DAN BUCKLEY

EXECUTIVE PRODUCER: ALAN FINE

DESIGN BY NELSON RIBEIRO

INTERIOR ART BY DAVID MAZZUCHELLI, JOHN ROMITA JR. and AL
WILLIAMSON

COVER ART BY EDUARD PETROVICH

Печатается с разрешения компании *Marvel Characters B. V.*

Copyright © 2017 MARVEL

© 2017 MARVEL

© Ю. Ю. Павлов, перевод на русский язык, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Невозможно рассказать о становлении героя более увлекательно, чем «Сорвиголова:
Человек без страха».

Comicallygraphic.com

*Моим детям Белле и Калебу.
Вы – моя поддержка и опора.*

Часть I

Глава 1

*Адская Кухня
Наши дни*

Со временем боль становится лишь системой подсчета очков, постоянным напоминанием о том, скольким людям ты перешел дорогу.

Сегодня Мэтт Мёрдок перешел дорогу *многим*.

Поморщившись, он переворачивается на другой бок. Левая щека едва не примерзла к окровавленному снегу. Это единственная часть его тела, которая не взрывается приступами боли, и он концентрирует на ней все свое внимание. Он весь изранен, изрезан, его кости переломаны, включая пару ребер. Слышно даже, как кровь булькает в легких. Паршиво.

В голове раздается голос. *Закрой глаза. Отдохни немного.*

Мэтт закрывает глаза. Да, отдохнуть бы не помешало. Уж после таких-то передышек он заслужил.

Нет. Еще нет. Пока не заслужил.

Он медленно открывает глаза. По снежной каше бегут люди в тяжелых сапогах, неотвратимо приближаясь. Слышен топот каблуков по набережной, и даже плеск и гул океана не могут его заглушить.

Мёрдок, они вооружены. Пора делать ноги.

Не выйдет. Он и пальцем не может пошевелить.

Глаза вновь закрываются. Топот все ближе.

– Вон он!

*Адская Кухня
Тринадцать лет назад*

– Вон он!

Мэтт Мёрдок ухмыляется паре толстых копов, бегущих к нему по переулку. Они задыхаются, их форма почти почернела от пота. Мэтт и сам вспотел, но у него есть уважительная причина – на нем старая лыжная маска, скрывающая лицо.

Впрочем, надо взять это на заметку. В следующий раз, когда ему взбредет в голову повыделываться перед школьными хулиганами, дабы те его не поколотили, нужно будет выбрать денек попрохладнее.

– Эй, парень... стой! – кричит один из копов.

Фамилия офицера – Лейбовиц. Мэтт встречал его в округе. Его напарник не способен выдавить из себя ни слова – его лицо побагровело, и он, кряхтя, прислоняется к стене. Мэтт искренне желает, чтобы у полицейского не случился инфаркт – уж тогда-то ему неприятностей не избежать.

– Хватит дурачиться, – продолжает Лейбовиц. – Отдай офицеру Митчу дубинку, а то ему нечем бандитов лупить. Ну же!

Вместо ответа Мэтт прыгает на крышу мусорного контейнера, в последний момент успевая ухватиться за пожарную лестницу, чтобы не поскользнуться и не упасть вниз. В контейнере он видит гнилые овощи, тухлое мясо, сырые газеты, шприцы. А рядом, кажется,дохлая кошка. Да уж, сюда лучше не падать.

Мэтт подтягивается и лезет по лестнице к пожарному выходу.

– Освальд, я его пристрелю! – кричит офицер Митч. – Где это видано, чтоб такая мелюзга воровала полицейские дубинки?!

Мэтт оглядывается и видит, что офицер Митч и вправду достает пистолет. Испуганными глазами Мэтт шарит по сторонам в поисках пути к бегству. Переулок заканчивается тупиком, но через стену можно попробовать перелезть.

Он забирается выше, хватается за перила и переваливается через стену.

– Назад, на Девятую авеню! – кричит Лейбовиц.

Оборачиваясь, Мэтт видит, как Лейбовиц бежит по переулку обратно к Западной Пятидесят первой. Офицер Митч все еще возится с пистолетом. Он что, всерьез решил застрелить ребенка? За кражу дурацкой палки?

Проверить это Мэтт не собирается, и, перепрыгнув через стену, аккуратно приземляется на асфальт. Теперь-то офицер Митч ему не страшен.

А вот Лейбовиц... Не успевает Мэтт выбежать из переулка, как замечает копа на углу Пятидесят первой и Девятой.

– Держите мальчишку!

Должно быть, Лейбовиц не из местных. Каждый здравомыслящий ньюйоркец знает, что вмешиваться в чужие дела – верный путь в могилу. Да, Мэтту всего двенадцать, но окружающие-то об этом не знают. Вдруг он псих или сбежавший из приюта несовершеннолетний маньяк? Лучше держаться от него подальше.

Развернувшись, Мэтт дает деру по Девятой авеню, петляя между празднующими прохожими. В нос бьет запах хот-догов, жареной картошки, бургеров и бензина. Какое-то ребятишки отвинтили крышку пожарного гидранта, и теперь играют вокруг импровизированного фонтана. Взрослые тоже не против легкого душа. Мэтт пробегает под струей. Вода освежает. Он лавирует между легковушками и грузовыми фургонами, не обращая внимания на возмущенные возгласы поджаривающихся в своих автомобилях водителей. Солнце слепит глаза, блики отражаются от лобовых стекол и витрин магазинов. Мэтт щурится и едва не врезается в группу подростков, слушающих песню, которая когда-то нравилась Мэтту – но не теперь, когда ее изо дня в день гоняют на всех радиостанциях. Он быстро оглядывается. Лейбовиц продолжает погоню.

Неплохо, офицер. Пятерка с плюсом за старание. Но вам меня все равно не догнать.

Мэтт прибавляет ходу и, миновав проезжую часть, оказывается на тенистой стороне улицы. Путь Лейбовицу преграждает автобус, и когда тот наконец возобновляет преследование, Мэтт уже на Западной Пятидесятой. Он ныряет в очередной переулок, выскакивает на Сорок девятую, а там...

... можно расслабиться. Лейбовиц безнадежно отстал.

Теперь Мэтт в безопасности. Отсюда рукой подать до дома. Он бежит трусцой в самое сердце Адской Кухни. Движение здесь не такое интенсивное, а транспорт старше, потрепаннее. На тротуаре там и тут проросли сорняки. Из канализационных люков парит и воняет дерьмом и мертвечиной. Мэтт как-то сунул нос в канализационную решетку, поспорив, что продержится так минуту. Он продержался целых три, но блеванул, как только оторвался. Его мутило целый день.

Убедившись, что поблизости нет полицейских, Мэтт срывает с головы маску и сует в карман. В лицо дует ветерок – теплый и влажный, но разгоряченного мальчишку он все же охлаждает. Улыбаясь, он вновь переходит на бег, проносясь мимо школы и старой бакалейной лавки, в которую в детстве ходил еще его отец, мимо мясного магазина, где частенько отовариваются гангстеры. Наконец, он оказывается на Западной Сорок четвертой улице.

Ему удалось. Он в очередной раз выиграл пари, вернувшись с дубинкой к спортзалу. Мало радости быть поколоченным старшими ребятами, но надо бы придумать новый способ избегать побоев. Пари становятся все более рискованными, безумными, и *если* его поймут – что, конечно, вряд ли, но вдруг – то отцу это совсем не понравится.

Воскресным вечером спортзал закрыт, но Мэтт знает лазейку. Он обходит здание, придвигает к стене старые ящики и взбирается по ним к окну раздевалки. Щеколда сломана, но никому нет до этого дела. Красть в зале нечего.

Открыв окно, Мэтт залезает внутрь, оказываясь в темной прохладной раздевалке. Надо решить, где спрятать дубинку, чтобы потом предъявить тем, кто посмеет утверждать, что он сдрейфил. Подумав немного, Мэтт открывает ближайший шкафчик и шарит рукой по дну. Деревянное днище плохо закреплено, и под ним есть дыра, куда вполне поместится дубинка.

Приладив деревянную планку на место и закрыв шкафчик, Мэтт довольно задирает голову. Это послужит его репутации, и возможно, теперь хулиганы от него отстанут.

А может, наоборот, хорошенько отмутузят, чтобы поставить на место.

Мэтт задумывается, озадаченный такой перспективой, но тут же отбрасывает ее. Теперь уже ничего не поделаешь. Он делает шаг к окну...

...и слышит смех.

Он замирает. Зал должен быть закрыт. Кто мог сюда проникнуть?

Мэтт подкрадывается к выходу из раздевалки и выскальзывает в коридор. В потемках ничего не видно. Он осторожно нащупывает стену, чувствуя, как старая краска отслаивается под его пальцами.

Снова смех. Мэтту он не нравится. Так истерично смеются обычно хорошо знакомые ему школьные хулиганы. У двери в тренировочный зал Мэтт останавливается.

– Послушай, Джеки. Я не люблю, когда мне отказывают. Особенно когда я прошу по-хорошему.

– Это ты называешь «по-хорошему»?

Мэтт напрягается, сердце подскакивает в груди. Этот голос ему знаком.

Отец.

Мэтт заглядывает в зал. Из прожекторов над рингом в центре зала льется ослепительный свет. Все остальное во тьме. На ринге трое. Отец Мэтта на коленях, его держит здоровяк в белой футболке. Голову здоровяка венчает густая темная шевелюра – Мэтт несколько раз встречал этого типа на улице. Поговаривают, что он связан с мафией.

Третий, высокий и тощий, стоит напротив отца. При каждом движении его черные с проседью волосы мерцают на свету.

– А то. Конечно, по-хорошему. Честное слово. Лучше тебе не знать, что бывает, когда я сержусь. Слейд, ты согласен?

– Эт точно, босс.

– Вот видишь, Джеки. Местные меня уважают, и стремятся не расстраивать, – мужчина приглаживает волосы и хмурится. – А вот ты расстраиваешь.

Отец поднимает взгляд на мужчину, и Мэтт невольно отступает назад. Таким отца он не видел. В его глазах гнев. Ярость.

– Никто тебя не уважает, Риголетто, – огрызается отец. – Между уважением и страхом большая разница.

Риголетто? Мэтта обуял ужас. Это имя известно всем. Он – главный гангстер во всей Адской Кухне.

– А ты, выходит, меня не боишься? – спрашивает Риголетто. – Знаешь что? Не утруждайся с ответом. Мне плевать. Ты заблуждаешься. Страх и уважение – одно и то же.

Риголетто приседает и хватает отца за подбородок.

– Мёрдок, подумай хорошенько. Я предлагаю тебе работу. *Хорошую* работу.

– Не хочу я на тебя работать.

– И почему же? – Риголетто переводит взгляд на держащего отца за плечо громилу. – Слейд, тебе нравится на меня работать?

– А то, босс.

– То-то же. Я ценю своих работников. Помнишь, как вы в моем клубе трудились? Верзила по имени Слейд ухмыляется.

– Ага. Там девочки были.

– Верно, Слейд. Много девочек.

Отец Мэтта харкает кровью на настил, а заодно и на ботинки Риголетто. Тот хмурится, достает из кармана носовой платок, вытирает кровь, и, бросив платок, поднимается.

– Мёрдок, не валяй дурака. Я тебе услугу оказываю.

– Не нужны мне твои услуги. И работа тоже. У меня уже есть одна.

Риголетто хохочет.

– Бокс, что ли? Или рестлинг? Как там тебя кличут? Сорвиголова? А этот твой красный прикид призван служить приманкой для домохозяек? Мёрдок, тебе и правда нравится так жить? Думаешь, этим можно прокормиться?

– Это честный труд.

Риголетто вздыхает.

– Послушай, хватит терять время за болтовней. Мы оба прекрасно знаем, что в конце концов ты согласишься. Вопрос лишь в том, после скольких ударов. Ты будешь работать на меня и выбивать деньги с должников.

– Не буду.

– Будешь. Иначе...

– Нет! Валяй, бей меня! – кричит отец. – Не стану я выполнять грязную работу для мафиози!

– Мёрдок, я не закончил, – тычет в него пальцем Риголетто. – Следи за языком. Перебивать людей – дурная манера. Верно, Слейд?

– Очень дурная.

– Именно. Скверная. Так вот, Джек. Ты будешь собирать деньги с моих должников, – Риголетто поднимает руки, жестом показывая, что не потерпит никаких возражений, – иначе тебе и твоему ненаглядному маленькому Мэтту не поздоровится.

Отец молчит. Все молчат. Здоровяк Слейд поднимает отца и отряхивает его одежду. Риголетто треплет его по щеке.

– То-то же. Надавил на болевую точку – и дело в шляпе. Это тебе урок, Мёрдок. Помни о нем, когда придет черед трясти самых упертых должников. Всегда ищи болевые точки.

Гангстеры уходят. Мэтт видит, как отец опускается на настил ринга, прислонившись спиной к угловой стойке, и не шевелится. Он сидит так, пока Мэтту не становится больно на него смотреть.

Мальчик крадется обратно в раздевалку, вылезает через окно и идет домой.

Дома он уже не чувствует себя в безопасности, как прежде.

И больше никогда не почувствует.

Глава 2

Двенадцать лет назад

Для Джека Мёрдока лучший способ выполнять ненавистную работу – научиться быть двумя разными людьми. Работает один, домой идет другой. Главное – не допускать, чтобы их пути пересекались.

– Джеки, по-моему...

Не зови меня «Джеки», придурок.

– По-моему... – Слейд замолкает, не донеся до рта куриную ножку. – О чем я вообще говорил?

От запаха курицы-гриль Джека подташнивает, и он опускает боковое стекло машины.

– Ты спятил? А ну подними. Зима на дворе, а я легко простужаюсь.

Джек поднимает стекло, но не до конца. Ему по душе ночной морозный воздух. Прохлада отгоняет прочь лишние мысли, помогает сосредоточиться.

– Мёрдок, закрой чертово окно!

Сидящий на водительском сиденье Джек поворачивается к Слейду. У того на лбу пульсирует жилка, заметно выделяясь на жирной коже. Похоже, ночка выдастся тяжелая.

Джек поднимает стекло до упора.

– Так-то лучше. Старших надо слушаться, так что делай, как велено, малыш Джеки.

Сжав зубы, Джек крепко цепляется руками в перчатках за руль, мысленно представляя, как тот ломается на куски под его хваткой. Еще он представляет, как втыкает обломки руля Слейду в глотку.

– Поехали, Джеки. Взглянем, как живут богатеи, а одного даже навестим.

Джек не спеша вливается в поток машин. Чем дальше они едут, тем меньше ему придется заниматься ненавистным делом.

Они подбирают еще одного напарника, молодого парня по имени Ларкс. Джек несколько раз видел его в компании бритоголового мужика, что недавно нанялся к Риголетто вышибалой. Джеку Ларкс не нравился не только своим видом, который и вправду был жутковат – бледная, обтягивающая череп кожа, светлые, почти белые, жидкие волосы и водянистые голубые глаза. В нем отталкивало абсолютно все. Он постоянно молчал и никогда не улыбался, а лишь тарасился на собеседника как рыба.

К нужному дому они добираются в начале одиннадцатого. Джек паркуется на противоположной стороне дороги и понимает, что их старый «кадиллак» выделяется на фоне остальных автомобилей как... ну, как «кадиллак» на фоне «ауди», «порше» и «мерседесов». Скрытностью тут и не пахнет.

Слейд протирает стекло и присматривается к дому. Во всех окнах темно.

– Что нужно делать? – спрашивает Джек.

Слейд не отвечает, а лишь достает пистолет и заряжает. Джек хмурится. Это что-то новенькое. Раньше в ход шли только кулаки да бейсбольные биты, а теперь? Пистолет?

Наконец Слейд отвечает.

– Чувака зовут Митчелл. Он кинул Риголетто, и теперь остальные инвесторы нервничают. Ясно?

– Риголетто хочет устроить над ним показательную расправу?

Слейд ухмыляется во все зубы, отбеленные до такой степени, что они кажутся пластмассовыми.

– Верно, Джеки. Расправу. И года не прошло, как ты с нами, а уже схватываешь все на лету. Внизу дом охраняет пара телохранителей – сперва разберемся с ними.

Слейд с Ларксом выходят из машины. Джек протягивает руку и достает из-под сиденья битую. Пистолеты ему не нужны.

Они перелезают через высокую ограду и оказываются в уютном садике. Слейд шагает по клумбам, с плохо скрываемым удовольствием топчет аккуратно рассаженные цветы – и то и дело останавливается, чтобы ни одного не пропустить. Джеку это кажется глупостью, ведь для полиции следы могут стать важной уликой.

Впрочем, против Риголетто копы не пойдут.

Они обходят дом. Дверь черного хода сделана из крепкой древесины и выглядит образцом надежности – ее не пробьет и полицейский таран. Слейд опускается на колени и достает кожаный мешочек с отмычками. Выбрав пару тонких металлических прутиков, он принимается за работу, мурлыча под нос какую-то веселую мелодию. Джек взволнованно наблюдает за ним. Только на заданиях Риголетто у Слейда случаются приступы радости. А вот в спортзале, где он полюбил болтаться в последнее время, он лишь хмурится и сердито бурчит о своем боксерском прошлом и о том, что на ринге надрал бы Джеку задницу. Похоже, что для счастья ему жизненно необходимо нарушать закон.

Джек украдкой глядит на Ларкса. Тот уселся на детские качели и медленно раскачивается взад-вперед.

Слейд прекращает напевать и начинает ругаться – видимо, замок попался сложный. Проходит еще пять минут, прежде чем они слышат заветный щелчок.

Упаковав отмычки, Слейд открывает дверь. Джек следует за ним, а Ларкс идет замыкающим.

Глаза Джека не сразу привыкают к темноте. Они в столовой, большую часть которой занимает обеденный стол. За дверью – длинный коридор, ведущий через все здание.

– Охрана, – шепчет Слейд.

Джек кивает.

Они выходят из коридора в просторную, выложенную плиткой прихожую. Отсюда на второй этаж ведет лестница, покрытая ковровой дорожкой. Слейд ведет их мимо лестницы, направо, через гостиную в еще один коридор, и наконец, в небольшую комнатку с двумя диванами, столом, парой стульев и огромным телевизором. Далее – новый коридор, оканчивающийся двумя дверями по обе стороны. Слейд жестом показывает Ларксу идти в левую, а Джеку – в правую.

Джек крепче стискивает битую и берет ее на изготовку. Руки не слушаются. Сердце колотится, как и перед каждым заданием. Вряд ли он когда-нибудь привыкнет – и это, возможно, к лучшему.

Дверь приоткрыта, и сквозь щель на пол и стену падает полоска света. Слейд открывает дверь пошире, ровно настолько, чтобы проскользнуть внутрь. Джек идет за ним.

Охранник спит, укрытый толстым одеялом. Джек осматривается, с удивлением отмечая множество книг, сложенных в стопки у стен. Еще одна лежит на кровати. На столике рядом – включенная лампа. Джек шагает вперед и замечает название на корешке книги. «Хоббит». Он не может сдержать улыбку. Это одна из его любимых книг, мать читала ее ему, когда он был ребенком. Нынче ему не до чтения, но несколько лет назад он читал ее Мэтти. Кажется, тому тоже понравилось.

Телохранитель ворочается, едва не сбрасывая одеяло. С гулким ударом книга шлепается на пол.

Джек со Слейдом замирают. Охранник кряхтит и снова шевелится.

Джек уже заносит битую, готовый отразить нападение, но охранник просто переворачивается на спину и начинает храпеть.

– Подъем! – громко произносит Слейд.

Джек аж подпрыгивает. Охранник резко поднимается и лихорадочно оглядывается вокруг. Заметив ухмыляющегося Слейда и Джека, держащего биты, словно бэттер перед решающим ударом, он шарит по кровати в поисках чего-то.

У него в руках оказывается пистолет. Джек реагирует немедленно. Удар биты приходится точно в голову охранника. Раздается треск, и тот валится на пол.

– Хоум-ран, – констатирует Слейд.

Джек отводит взгляд от потерявшего сознание охранника и гадает, справился ли Ларкс со вторым. Мгновение спустя он получает ответ. Из соседней комнаты раздается крик, сопровождающийся грохотом падающей мебели.

Слейд с Джеком выскакивают в коридор и сталкиваются со вторым телохранителем. Тот пихает Слейда в стену. Гангстер тянется за пистолетом, но внезапно понимает, что охранник его даже не замечает, а просто ковыляет по коридору в сторону выхода.

В дверном проеме возникает Ларкс. Его глаза смотрят с любопытством.

– Удивительно, – говорит он. – Он еще на ногах!

Не сразу поняв, о чем бормочет Ларкс, Джек провожает взглядом охранника.

Тут до него доходит.

Из глазницы телохранителя торчит нож.

– Лезвие десятисантиметровое, – спокойно произносит Ларкс. – Не поверю, что мозг не задет.

Они спешат за охранником и нагоняют того, когда он дрожащей рукой пытается вытащить нож. Вокруг клинка пенится кровь. Телохранитель со стоном выпускает рукоять. Ларкс проскакивает под его рукой и всаживает нож еще глубже.

Охранник с криком отшатывается, спотыкается о стул и падает навзничь. Ларкс хихикает, обходит стул и пинает телохранителя в голову. Тот ревет, пытаясь отбиваться, но удары проходят мимо цели. Джек смотрит на происходящее с ужасом, переводя взгляд с Ларкса на лежащего охранника и обратно.

Этот отморозок упивается собственной жестокостью.

Очередной пинок Ларкса попадает охраннику в другой глаз. Джек слышит мерзкий хлюпающий звук, за которым следует протяжный жалобный стон. Ларкс нагибается, чтобы получше присмотреться.

– Вы слышали, как он лопнул?! – восклицает он, оглядываясь.

Наконец он приседает и всаживает нож до конца.

Ноги охранника дергаются, выбивая дробь на половицах, и спустя несколько секунд он затихает.

Ларкс вытаскивает нож и вытирает об одежду покойника. Когда он выпрямляется, Джек замечает, что лезвие ножа погнуто и покрыто застарелыми пятнами.

Ларкс спокойно разворачивается и уходит. Джек со Слейдом переглядываются. Даже громила Слейд шокирован таким поворотом событий.

Они поднимаются по лестнице на второй этаж. Ковер под ногами то ли черный, то ли красный – в потемках не разобрать. Джек осматривается и насчитывает десять комнат, в одной из которых находится Митчелл. Надо лишь выяснить, в которой. Джек подходит к ближайшей двери, опускается на одно колено и заглядывает в замочную скважину. Ничего. Кромешный мрак. Осторожно открыв дверь, он обращается к Слейду.

– Есть чем посветить? – шепчет он.

Слейд передает ему карманный фонарик, и Джек включает его. Его глазам предстает пустая гостевая спальня. Джек выходит и осторожно открывает дверь следующей комнаты.

Внутри стоит непонятный затхлый запах. Он видит очертания книжных шкафов, набитых книгами в кожаных переплетах. Библиотека.

Они подходят к соседней двери, и Джек дергает за ручку.

Заперто.

Он вопросительно смотрит на Слейда, думая, что тот снова полезет за отмычками. Но Слейд попросту вышибает дверь ногой.

Летят щепки, дверь слетает с петель и падает. Изнутри раздаются выстрелы, рыжие всполохи пронизывают темноту. Джек бросается на пол, Ларкс и Слейд за ним. Падая, Слейд открывает ответный огонь в направлении вспышек.

Он стреляет, пока не заканчиваются пули.

Щелк, щелк, щелк.

Тишина.

Джек осторожно поднимает голову. Он видит бледное в свете упавшего фонарика лицо Слейда. Джек поднимает фонарик и светит внутрь комнаты. На залитой кровью постели, свесив голову вниз, лежит человек.

Вся троица медленно входит внутрь и разглядывает труп. Пули Слейда попали в лицо и шею.

Джек отворачивается, выходит из комнаты на балкон и смотрит вниз, на прихожую.

Вскоре подходит Слейд и хлопает его по плечу.

– Кажется, послание передано.

– На убийство я не подписывался.

– Ты его и не совершал, – весело говорит Слейд. – К тому же, это была самооборона.

Он ведь первым начал стрелять.

Джек тяжело вздыхает.

– Где Ларкс?

– Еще там.

Они вместе оборачиваются. Слейд шарит лучом фонарика по комнате, пока не выхватывает Ларкса, склонившегося над трупом и почти касающегося своим лицом лица покойника.

«Ох и натерпимся мы еще от этого парня», – думает Джек, и по его телу пробегают мурашки.

Вернувшись домой, Джек застаёт Мэтта смотрящим бокс по телевизору. Джек молча смотрит на сына, видит его разгоряченное лицо и пылкий взгляд и тут же вспоминает Ларкса. Вспоминает, как тот оживился, когда убил охранника.

Джек подходит к телевизору и выключает его.

– Папа! Дай посмотреть!

Джек садится перед Мэттом и берет сына за руку.

– Мэтти, пообещай мне кое-что.

Заметив озабоченный взгляд сына, он старается говорить мягче и не выдать своего беспокойства и страха, но не может.

– Пообещай мне, что никогда не будешь решать свои проблемы кулаками.

– Папа...

– Постой. Просто выслушай, – Джек постукивает Мэтта пальцем по лбу. – Вся сила – вот здесь. Читай больше книжек и учишь хорошенько. Тогда из тебя выйдет толк. Не будь таким, как твой старик.

– Но мне хочется быть похожим на тебя! Я хочу стать настоящим бойцом...

– Нет! – слово резко срывается с губ Джека, и Мэтт вздрагивает.

– Сынок, ты лучше меня, – ласково говорит Джек. – Перед тобой открыт целый мир. Главное – не пускай *их* в ход.

Он сжимает руки сына в своих больших, покрытых шрамами ладонях.

– Понял?

– Вроде бы.

– Тогда пообещай.

– А?

– Скажи: «обещаю никогда не решать проблемы силой».

– Обещаю.

Джек всматривается в глаза сына, сомневаясь в его искренности.

– Обещаю, – уже спокойнее повторяет Мэтт.

Джек со слабой улыбкой кивает. Он треплет Мэтта по голове и поднимается на ноги.

– А чего это ты не спишь?

– Тебя жду.

– Ну вот он я. Теперь укладывайся спать.

Джек дожидается, пока Мэтт отправится в свою комнату, идет на кухню, садится за старенький столик и наливает себе стакан виски.

Глава 3

Одиннадцать лет назад

Мэтт бежит домой, улыбаясь до ушей, несмотря на разбитое лицо. Наконец-то он решился и показал этому уроду Баркли, кто круче. Спустя годы издевательств и побоев он дал жирному придурку сдачи, и мало тому не показалось.

Запыхавшись, он сворачивает к подъезду. Надо бы остановиться и отдышаться, но близится вечер, отец наверняка проснулся и скоро начнет пить. Мэтт должен поделиться с ним новостью до того. Ему хочется, чтобы отец порадовался. Чтобы его улыбка была искренней, а не пьяной.

Он взлетает вверх по лестнице и распахивает дверь в квартиру.

– Папа! Папа!

В ответ тишина. Мэтт врывается в отцовскую спальню. Окна все еще занавешены.

– Папа!

– Хватит орать, – кричит Джек. – Не люблю, когда шумят по утрам.

– Да уже три пополудни!

– Три? Вот черт.

Джек вскакивает с постели и едва не падает. Он хватается за голову и стоит, пошатываясь и собираясь с мыслями. Помотав головой, он тянется мускулистой рукой за одеждой и надевает грязные джинсы и футболку.

На пороге Мэтт в нетерпении скачет с ноги на ногу.

– Папа! Угадай, что случилось?

– Мэтти, подожди минутку.

Отец отдергивает шторы, впуская в комнату вечернее солнце. Яркий свет заставляет его прищуриться и отвернуться.

– А в чертовом прогнозе обещали дождь.

– Дождь был утром. Пап, ну угадай!

– Мэтт, не дури. Что, новую книжку прочитал?

Мэтт морщит лоб.

– Папа, да нет же! Помнишь Баркли? Он мне врезал.

Нахмурившись, отец подходит к Мэтту.

– Но я его завалил! – быстро добавляет Мэтт. – Одним ударом! Он шлепнулся на задницу и таранился на меня, как дурак! Пап, я был так рад! Жаль, ты этого не видел.

Мэтт всю дорогу представлял, что отец видит, как он одним ударом отправляет кого-нибудь в нокаут. Представлял, как отец будет гордиться тем, что сын так похож на него.

Но отец ревет:

– Мэтт, ты же мне обещал!

Радость Мэтта мгновенно улечивается. Отец нависает над ним, сжав кулаки.

– Ты обещал! – орет он.

Мэтт моргает и даже не сразу осознает, что оказался на полу, спиной к двери.

Через мгновение левую сторону его лица пронзает боль.

А еще через мгновение он понимает, что отец ударил его.

Мэтт поднимает голову. Отец тяжело дышит и смотрит на него, одновременно и сердитый, и потрясенный. Мэтт ждет второго удара, но отец опускает руки.

– Мэтти, ну зачем ты вынудил меня так поступить? – в голосе отца чувствуется искренняя скорбь. – Зачем нарушил уговор? Ты же *обещал* никогда не пускать в ход кулаки...

Отец замолкает, понимая, как бессмысленно звучат его слова. Насупившись, он отворачивается и идет за ботинками.

Мэтт поднимается и убегает – прочь из спальни, по лестнице, на улицу, до самой реки Гудзон. Лицо ломит от боли.

Он идет вдоль волнореза, замечает на берегу старую перевернутую лодку и забирается на нее. Рядом за дохлую рыбу дерутся чайки.

Мэтти, ну зачем ты вынудил меня так поступить? Зачем нарушил уговор?

Это его вина.

Мэтт провинился. Разозлил отца. Спровоцировал его. Не послушался. Нарушил уговор.

Мэтт осторожно трогает щеку и чувствует, как та распухла.

В это трудно поверить. Отец никогда не поднимал на него руку. Никогда. Мэтт вынудил его. Он виноват.

Мальчик проводит несколько часов, наблюдая за тем, как солнце клонится к закату, и все это время напряженно думает. Размышляет. Беспокоится. Пытается понять.

Наконец, он находит ответ.

Отец прав: уговор дороже денег. Правила и законы нужны, чтобы их соблюдать, иначе весь мир превратится в бардак. Следуй правилам, и избежишь неприятностей. Теперь он будет во всем слушаться отца, помогать ему, делать, как велено. Так он никогда не обманет ничьих ожиданий.

С этого момента он станет послушным сыном и не даст отцу повода для беспокойства.

Если раньше в школе над ним лишь подтрунивали, то теперь он – главный объект насмешек. Он постоянно что-то зубрит, постоянно учится.

Другие дети в восторге. Они подкалывают его, окликают, проезжая мимо окон его дома на велосипедах.

– Сорвиголова! Эй, Сорвиголова, выходи играть!

Мэтт не знает, слышит ли эти шуточки отец. Наверное, слышит, хоть ничего и не говорит по этому поводу. Уж свое-то собственное бойцовское прозвище Джек должен был узнать.

Хуже тех дней, когда отец дерется на ринге в казино, не придумаешь. Там ему приходится наряжаться в красный хэллоуинский костюм с рогами и хвостом. По возвращении он всегда напивается, достает из кошелька старую фотографию и разглядывает ее, пока не уснет.

Мэтт следит, чтобы в эти дни отец не забывал есть. Он готовит ему яичницу и тосты, чтобы было чем заедать виски, но это мало что меняет. Так или иначе, Мэтту всегда приходится тащить отца в спальню и выслушивать извинения вперемешку с похвалами.

– Мэтти, ты хороший мальчик. Хороший. Главное, не становись таким, как твой отец, понял? Ничем хорошим это не кончится.

Отец укладывается в постель и храпит, пока не придет пора снова идти на работу.

Когда Мэтт устает, то идет в свое тайное убежище – место, где он может выпустить пар, злость, ярость.

Спортзал.

Там он представляет, что боксерские груши – это ребята из школы. Он может кричать на них, обзывать, колотить их, пока не посадит голос и не собьет костяшки пальцев. Иногда ему кажется, что за ним наблюдают. Сперва он думает, что отец узнал о его тайной привычке прокрадываться в зал после закрытия. Если так, то он крупно влип.

Он зовет, но никто не откликается.

Может, ему почудилось. Может, никого рядом и нет.

Но тревожное чувство не отступает, а, напротив, усиливается.

На него смотрят. Проверяют. Оценивают.
Ждут.

Десять лет назад

Уже который день Мэтту приходится ускользать от Баркли и его дружков через задние ворота школы.

Каждый день одно и то же: он уже устал мучительно ждать в коридоре, пока его мучители уйдут, устал прятаться от них в классных комнатах.

Что-то изменить уже не получится. Все в школе думают, что на самом деле он трус. Тот, кто никогда не дает сдачи, избегает драк, а на переменах сидит за книжками вместо того, чтобы общаться с друзьями.

Мэтту трудно с этим смириться, особенно потому, что он легко может отделать Баркли. Как в тот раз.

Но он не может вновь расстраивать отца. Он поклялся и сдержит клятву во что бы то ни стало. Так будет лучше для всех. Не высовывайся. Прилежно учись. Получай хорошие оценки. Вот что делало отца счастливым. Каждый вечер, несмотря на усталость, он садится рядом с Мэттом и спрашивает, чему тот научился. Мэтт чувствует, что отец сам плохо разбирается в том, что он ему рассказывает – особенно в математике, – но отец счастлив, и это главное. Одних детей родители возят на рыбалку, других водят в походы, а Мэтт с отцом вместе делают домашние задания и так сближаются.

Рядом с Мэттом, отчаянно сигналив, проезжает машина. Он приходит в себя и смотрит на небо. Солнце уже спряталось за Эмпайр-стейт-билдинг. Пора домой. Нужно успеть прибраться перед ужином. Отец уборкой не занимается, а Мэтту нравится, когда в доме чистота и порядок.

Поправив рюкзак, он ждет зеленого сигнала светофора. Рядом другие пешеходы: парень в деловом костюме, нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу, будто хочет в туалет, женщина с коляской и пара девушек лет двадцати, тоже в костюмах. Мэтт чувствует аромат их духов. Мускус с нотками специй – ему нравится.

Одна из девушек ловит его взгляд и подмигивает. Покраснев от смущения, Мэтт отворачивается...

...и видит старика, выходящего на проезжую часть прямо под колеса приближающихся машин.

– *Стойте!*

Старик не останавливается. Мэтт вытягивает шею и видит несущийся на всех парах желтый грузовик. Свернуть некуда, на остальных полосах плотное движение. Старика конец.

Ни секунды не мешкая, Мэтт выскакивает на дорогу. Он слышит гудки и визг покрышек, но не сбавляет хода. Старик медленно ковыляет, не обращая внимания ни на что вокруг. Он что, глухой? Или просто спятил?

– Эй! С дороги! – кричит Мэтт на бегу.

Никакой реакции.

Мэтт оглядывается направо и ловит испуганный взгляд водителя грузовика, который только сейчас заметил старика и мальчика.

Водитель выворачивает руль. Грузовик заносит, и он сталкивается с автобусом. Раздается противный металлический скрежет. Прохожие в панике кричат, шины визжат. Мэтт не останавливается. Он настигает старика и толкает его. Тот, спотыкаясь, проходит несколько шагов и растягивается на тротуаре.

Мэтт бежит за ним и чувствует сильный удар в спину.

Мальчика подбрасывает в воздух, и он думает: «Вот и все. Тебе конец. Кто теперь будет приглядывать за отцом?»».

Он падает и катится по асфальту, несколько раз сильно ударяясь головой и обдирая кожу на бедрах, руках и шее. Мэтт замечает летящую вслед за ним железную бочку. Грузовик разбился вмятку, и содержимое кузова оказалось на дороге. Кругом скачут бочки, расплескивая какую-то мутную жидкость. В ноздри бьет едкий удушливый запах. Мэтт продолжает слышать крики, визг колес и грохот сталкивающихся машин.

Наконец, Мэтт прекращает катиться и замирает на горячем гудроне. Перед его глазами черно-серое дорожное полотно и накрепко прилипшая к асфальту жвачка.

Снова слышны хлопки и грохот. Бочки все еще катятся и вполне могут его раздавить. Надо подняться и спрятаться. Превозмогая боль, Мэтт смотрит по сторонам, пытаясь понять, в каком направлении движутся бочки.

Одна пролетает совсем рядом. Из нее выплескивается маслянистая жидкость – слишком близко, и Мэтт не успевает уклониться. Жидкость попадает ему в глаза.

Мэтт кричит.

Его глаза буквально вскипают от боли, будто в сетчатку кто-то вдавил горящие угли, а глазные яблоки опутал колючей проволокой и начал кромсать на куски бритвой.

Он вцепляется в глаза пальцами. Мир вокруг медленно меркнет, яркие краски летнего вечера сменяют не менее яркие алые вспышки боли.

На смену алым вспышкам приходят мигающие фиолетовые огоньки. Сначала они мигают быстро, потом все медленнее и медленнее, понемногу сменяясь черными. Фиолетовые и черные.

Потом остаются лишь черные.

А потом – лишь боль.

В ушах раздаются тысячи голосов, и Мэтт отчетливо слышит каждый. Они бурлят, звенят, грохочут – будто бы он приложил ухо к мощному динамику, включенному на полную громкость. Голоса не уходят даже когда он спит. Звуки буквально бомбят его: машины, грузовики, люди. Рев мотоциклов, цокот каблуков. Галдеж играющих на улице детей.

Он слышит, как люди разговаривают, шепчутся, и это – настоящая пытка. Он никуда не может подеваться от чистых, звучащих громче, чем он когда-либо мог представить, звуков. Он не может нормально думать. Не может отфильтровать отдельные звуки. Каждое мгновение его будто гложут миллионы демонов.

А ведь есть еще и запахи. Они окутывают его, накрывают удушающими волнами.

Сильно пахнущие цветы, от которых он кашляет и задыхается.

Гниlostная, трупная вонь, исходящая от мясной лавки в трех кварталах от больницы, где каждый вечер перед закрытием несвежее мясо и кости выбрасывают прямо на улицу.

А еще духи и дезодоранты. Он способен унюхать приближение докторов и медсестер за несколько минут до их прихода, а когда они уходят, еще час чувствует их запах.

Хлопчатобумажные простыни на ощупь кажутся наждачной бумагой. Кончики пальцев постоянно пощипывает, будто они внезапно выросли, а подушечки стали настолько чувствительны, что теперь он по одному лишь прикосновению может понять, что прицепившийся к расческе волос принадлежал пятидесятилетней блондинке.

Все это сопровождается аккомпанементом сердцебиения. Удары множества сердец накладываются друг на друга, стучат, то ускоряясь, то замедляясь, то в страхе, то в возбуждении. Перестук, который никогда не прекращается.

Теперь все вышперечисленное навсегда с ним.

Его глаза оперируют. Их чистят, отскабливают, режут. В зрачки вставляют иглы, откачивая кровь и гной. Ничего не помогает. После одной из операций Мэтт слышит голос врача.

Тот говорит, что глазные нервы Мэтта похожи на разможенные культы жертв автомобильных аварий. Словно в ступоре, Мэтт несколько недель остается прикован к постели, сражаясь со своими обострившимися чувствами и пытаясь отгородиться от сводящих с ума раздражителей.

Он слышит разговоры, доносящиеся с других концов района – словно смотрит невыносимую круглосуточную мыльную оперу. Сотрудница булочной на Тридцать пятой улице постоянно жалуется на своего парня, который ударил ее. В пяти кварталах от больницы секретарша сообщает начальнику, что жена того узнала об их интрижке. А примерно в полутора километрах от Мэтта какой-то ребенок хнычет оттого, что уронил мороженое.

Мэтт не может здраво мыслить. Любые мысли мгновенно тонут в море голосов. Словно тысяча – нет, миллион – безумцев пытаются обратить на себя его внимание.

Затыкать уши не помогает. Мэтт пробовал кричать, чтобы заглушить голоса, но без толку.

В конце концов ему дают успокоительные, и они помогают. Лишь полностью отключившись, он может хоть немного отдохнуть.

В последующие дни его ждет череда посетителей, присутствие которых он ощущает сквозь замутненное болью и лекарствами сознание. Приходит отец. Он чувствует его присутствие рядом столь же отчетливо, как если бы по-прежнему мог видеть его. Чувствует запах виски и страх. Злость и сожаление.

– Мэтт, прости меня. Прости за все. Все изменится, когда тебя выпишут. Мы переедем из этой дыры. Куда-нибудь на природу... поближе к деревьям и траве.

К его руке прикасается отцовская. Прикосновение болезненно, словно удар током. Мэтт инстинктивно отдергивает руку и осознает, что отцу тоже больно. От него исходят волны стыда и вины. Откуда Мэтт это знает? Как он может это чувствовать?

Он и сам не может понять. Он просто чувствует.

Новый посетитель. Приходит, когда болеутоляющие только начали действовать и Мэтт понемногу проваливается в забытье. Это женщина. Пахнет мылом и... жасмином. Очень чистый запах.

– Мэтт, прости, – говорит женщина. – Прости за все.

Она тоже берет его руку, но в этот раз он свою не отдергивает. В этот раз прикосновение нежное. Женщина нагибается и целует его в лоб, и в этот момент что-то холодное касается его подбородка. Мэтт дотрагивается до предмета рукой и понимает, что это золотой крестик.

Женщина уходит, оставляя после себя ауру безмятежности, и в этот момент голоса уходят куда-то на второй план. Мэтт готов зарыдать от благодарности. Наконец-то он может нормально подумать и вспомнить, кто он такой.

Выходит, что голосами, запахами и всем остальным можно управлять? Пусть лишь на мгновение, но их можно прогнать.

Он чувствует себя сильнее. Спокойнее. Он научится управлять своими чувствами. Они – вовсе не враг, стремящийся его сломить, они – часть него самого.

И кроме них у него теперь ничего не осталось.

Это непросто. Напротив, очень трудно, и Мэтт почти теряет терпение.

Сперва он учится разделять звуки: голоса, шумы, крики, дорожное движение, мышиную возню, шаги, звон посуды. Город в целом.

Он выделяет отдельные звуки и задвигает их на второй план. Следом он возводит мысленную стену, границу, внутри которой его повседневные мысли не будут подвергаться бесконечной бомбардировке. Все прочие ощущения необходимо убрать за стену, а потом задви-

гать все дальше и дальше, чтобы поднять стену выше и дать разуму свободное пространство. Пустой кабинет, где он сможет работать.

Вернуть тишину – таков первый шаг.

Второй шаг – подчинить себе чувства. Пригласить их обратно и научиться руководить ими из своего личного пространства, имея возможность выбрать, что именно слышать, осязать и обонять. Мэтт пытается вернуть их под свой контроль одно за другим, сосредоточившись лишь на тех, что нужны в данный момент.

Это сложнее всего. Каждый раз, когда он открывает в стене проход, все чувства разом врываются внутрь, снося стену и заставляя его выстраивать ее заново.

Проходят недели. Недели на больничной койке, с покрывшимися коростой глазами. Недели кровавых и гнойных слез.

Но Мэтт учится. Учится укрощать чувства и подчинять их своей воле. Он представляет себя полицейским в комнате наблюдения, получающим информацию с разбросанных по всему городу камер и микрофонов и собирающим данные в кабинете за стеной.

Ему тяжело, но понемногу он становится прежним Мэттом Мёрдоком.

Джек Мёрдок дежурит у палаты сына, пока врач в последний раз перед выпиской осматривает глаза Мэтта. Джек взволнован. Обеспокоен. Он прибрался в квартире, убрав все вещи, способные повредить Мэтту, но полностью избежать риска вряд ли удастся.

– Джек Мёрдок?

Джек поднимает взгляд, ожидая увидеть врача, но перед ним двое мужчин в дорогих костюмах.

– Чему обязан?

Говоривший протягивает визитку. Джек мельком смотрит на нее и узнает, что тот – адвокат.

– Мы слышали, что вашего сына сегодня выписывают.

– Вам-то какое дело?

– Наш работодатель желает убедиться, что не произойдет никаких недоразумений.

– Каких еще?

– Ваш сын выскочил на проезжую часть. Он виновен в аварии.

Осознав, кто эти люди, Джек вскакивает на ноги.

– Чертовы крючкотворы! Из-за вас мой сын ослеп!

– Вовсе нет, мистер Мёрдок. Нашей вины тут нет, и лучше бы вам впредь воздержаться от подобных слов. Клевета – штука серьезная. Мы можем рассчитывать на ваше молчание? Очень надеюсь на положительный ответ. Не усложняйте ситуацию, иначе нам придется предать огласке вашу связь с мистером Риголетто.

Джек молча таращится на юриста.

– Прежде чем отвечать, хорошенько подумайте, – говорит другой адвокат. – В конце концов, если вас посадят в тюрьму, то за Мэттом некому будет ухаживать.

После месяца на больничной койке Мэтт готов отправиться домой. Врачи больше ничем не могут ему помочь – только направить в местный филиал Американского Общества Слепых. Они сообщают отцу, что Мэтт может получить там консультацию и пройти обучение, которое поможет адаптироваться к потере зрения.

Мэтт не хочет туда идти. Когда отец впервые об этом заговаривает, он запирается в комнате и с головой накрывается одеялом. Он к этому не готов. И не собирается быть готовым.

Это будет значить, что он смирился с той жизнью, которая его ожидает.

Глава 4

Шесть месяцев спустя

Мэтт любил сидеть на крыше и наблюдать за уличной жизнью. Смотреть, как живут семьи в доме напротив. Ему нравилось быть частью этой жизни. Видеть соседей, но при этом оставаться невидимым для них. Быть частью родного района, где их с отцом хорошо знали.

А теперь...

Теперь все изменилось.

Он перестал быть частью чего-либо. Больше никто не приветствует его по-дружески. Лишь с жалостью, грустью или горечью.

Бедный мальчик. Вся жизнь погублена! Может, лучше ему было бы умереть.

Мэтт с этим не согласен. Он в смятении. Ему всегда казалось, что ослепнув, ты потеряешь все. Будешь обречен жить во мраке на веки вечные.

У него все не так. Он чувствует объем и форму предметов и может определить, что находится вокруг. Например, сейчас. Внизу, на улице, зимний ветер обдувает ствол дерева, придавая тому форму, которую Мэтт может представить. Он чувствует... видит... изгиб ствола и раскидистые ветви.

Нет, «видит» – неверное слово. Наверное, это память рисует то, что он должен был бы видеть.

Так вот как это работает? Ветер сообщает ему нужные измерения, а воображение создает картинку?

Мэтт встает, не обращая внимания на порывистый ветер, и шаркает вперед, пока кончики кроссовок не окажутся на самом краю крыши. Он подставляет ветру лицо, вдыхает морозный воздух, а с ним запах приближающейся бури, смешанный с ароматами еды – мяса, картошки, пиццы и хот-догов.

Он склоняется над бездной, думая, что для случайного прохожего выглядит сейчас как самоубийца.

Эта мысль порождает улыбку. Нет уж. Напротив, он заново учится жить.

Ветер вновь обдает его лицо и уносится вниз, мимо припаркованных у тротуара машин. Мэтт следит за ним и «видит», как ветер придает автомобилям формы, растекаясь вокруг крыш, колес, брызговиков и зеркал. Мэтт уверен, что сможет пройти вдоль машин, расставив руки, и ни разу их не задеть.

Он понемногу привыкает жить без зрения, но счастья ему это не прибавляет. Совсем наоборот. Каждое утро он просыпается полностью опустошенным, и справиться с этим чувством помогают лишь тренировки в зале. По-прежнему после закрытия – ему не хочется ощущать на себе жалостливые взгляды окружающих, сочувственные покачивания головой. Как и прежде, он проникает в зал через окно. Свет не включает – зачем он ему?

Каждый вечер он оттачивает остроту своих чувств, тренируясь на гимнастическом бревне и с боксерской грушей.

Выходит совсем не так, как на улице. В помещении, где нет ветра, где ничего не помогает оценить форму предметов, ему куда труднее выбирать нужную дистанцию и определять амплитуду груши, и он получает куда больше шишек и синяков, чем прежде. Но он не сдается. День за днем, неделю за неделей он гоняет себя, стремясь заставить свое тело видеть вновь, каким-то образом вернуться к привычной жизни, как будто у него и нет никакого увечья.

Каждый вечер после тренировки он падает без сил. Сегодня Мэтт лишь перекачивается на спину и неподвижно лежит. Он устал. Устал от всего. Почему это произошло именно с

ним? Почему не с кем-то другим, хотя бы с тем стариком? Почему он? У него вся жизнь была впереди. Он ставил себе четкие цели, хотел стать адвокатом, судьей или полицейским. Да кем угодно, лишь бы отец был счастлив.

А теперь? Теперь он никто.

Из него и боксера-то не выйдет. Такую карьеру отец считал бы наилучшей из всех возможных, но и на ней теперь можно ставить крест.

Мэтт плачет. Он держал слезы в себе с тех пор, как вышел из больницы, но теперь, сидя на старом, потрепанном мате, пропитанном запахом пота, опилок и табака, он дает им волю.

– Стыдоба-то какая. Пацан, хватит себя жалеть!

Мэтт замирает. Вытерев нос, он оборачивается по сторонам в поисках говорящего.

– Кто здесь?

– Вставай, – продолжает низкий, скрипучий голос. – Ты что, не только слепой, но и глухой? Вставай, говорю.

– Но...

– Неправильный ответ.

Мэтт слышит в воздухе свист, и что-то больно бьет его по голове.

– Ай! Вы что?!

– Вставай.

– Какого черта?

– Неправильный ответ.

Снова свист и очередной болезненный удар, на этот раз по щеке. Мэтт ползет назад, прижимаясь к стене.

– Вставай.

Мэтт поворачивает голову то налево, то направо, стараясь определить источник звука. Он делает глубокий вдох. Опять свист.

Мэтт резко выбрасывает руку и хватается палку прежде, чем та ударит его в третий раз. Его мучитель хохочет.

– Так-то лучше! Ничего сложного, а?

Незнакомец вырывает палку из рук Мэтта.

– Вставай.

В этот раз удар следует без предупреждения. Палка движется так быстро, что Мэтт слышит свист уже *после* того, как получает по лицу.

– Прекратите!

– Вставай, и прекращу.

Мэтт поднимается и неторопливо поворачивается.

– Медленно соображаешь, пацан.

– Кто вы?

– Неправильный вопрос.

Палка просвистывает в воздухе, но Мэтт уклоняется от удара. Прежде чем сказать что-то еще, он пытается придумать, как сбежать от этого психопата и вызвать полицию.

Тут его осеняет. Он поворачивается туда, где, как ему кажется, стоит его мучитель.

– Зачем вы здесь?

Он напрягается, привстав на цыпочки, готовый увернуться. Но удара не следует. Этот вопрос – правильный.

Стик – так представляется незнакомец. Они вместе выходят из зала на холодную улицу. Мэтт волнуется. Снаружи ему неуютно – по крайней мере, теперь. Улица для него – как минное поле. Он носит выданную врачом белую трость, но так и не научился правильно ей

пользоваться. Он машет ей слишком быстро и ходит с привычной для себя скоростью, так что регулярно спотыкается и цепляется за стоящие вдоль тротуара велосипеды.

Ему приходится постоянно сбавлять шаг и идти медленно, как старик.

Мэтта это бесит.

– Пацан, я за тобой наблюдал, – говорит Стик, пока они бредут по тротуару.

– Зачем?

– Ты особенный. В тебе есть кое-что, что могло бы нам послужить.

– «Нам» – это кому?

– Тебе этого знать не положено.

Мэтт фыркает.

– Никакой я не особенный. Я вообще никто.

– Вот как? Ты уверен? – Стик говорит спокойно, но Мэтт чувствует в его голосе напряжение.

Он словно кобра, готовая в любой момент ужалить.

– Я слепой. Чего во мне особенного?

– Думаешь, слепота тебе помешает? По-твоему, слепые ничего не могут добиться?

– Да нет, просто...

– Просто тебе себя жалко. Пацан, кончай. Не хватало мне еще с этим возиться.

Мэтт начинает злиться. Да что этот мужик о себе возомнил? Попробовал бы он поставить себя на его место!

– Я чувствую, как от твоей кожи пошел жар, – тихо говорит Стик. – Советую тебе хорошенько выбирать слова, прежде чем сказать что-то еще.

Он чувствует, как от его кожи идет жар? Мэтт останавливается.

– Вы что, тоже слепой?

– С рождения. Так что я знаю, о чем говорю. И знаю, что тебе приходится выносить.

Но вот какое дело – мне на все это плевать.

Несколько минут они идут молча, слушая лишь городской шум.

– Куда вы меня ведете? – спрашивает Мэтт наконец.

– Никуда. Просто хочу кое-что показать.

– Что?

– Увидишь. Ну, или не увидишь. – Мэтт снова слышит смешок и понимает, что смеются над ним.

Они приходят к подвалу старого заброшенного здания. Мэтт останавливается у входа. Стик не отходит от него ни на шаг.

– Туда я с вами не пойду, – категорически заявляет Мэтт.

– Почему это?

– А вдруг вы маньяк?

– Можно и так сказать.

– «Можно и так сказать»?

– Ага. Но это не значит, что я собираюсь тебе навредить.

– Не слишком убедительно.

– Я и не собирался тебя убеждать. Здесь у меня тренировочный зал, где ты будешь тренироваться.

Мэтт недоверчиво вздергивает брови.

– Тренироваться? Зачем?

– Чтобы драться. Чтобы стать воином.

– Воином, ну-ну. И зачем мне им становиться?

Лицо Стика внезапно оказывается в считанных миллиметрах от его собственного. Мэтт чувствует запах апельсинов и корицы.

– Хочешь и дальше убежать и прятаться?

– Н-нет.

– Ты больше не маленький мальчик, ясно? Если хочешь мне пригодиться, придется тренироваться!

– Не понимаю, зачем я вам? Чего вы от меня хотите?

– Не могу сказать. Еще рано.

– Вот как? Это что же получается: какой-то незнакомец следил за мной, несовершеннолетним школьником, чтобы заманить в заброшенное здание и там превратить в волшебного воина?

– Про волшебство я ничего не говорил. В драке нет ничего волшебного.

– Да и ладно. Мой ответ «нет».

– Не валяй дурака.

– Я серьезно. Дальше я с вами не пойду.

Мэтт напрягается в ожидании нового удара по голове, но его не следует. Слышно лишь, как Стик вздыхает.

– Послушай, я не собираюсь с тобой сюсюкаться. Когда будешь готов извиниться – приходи, я буду здесь.

– За что мне извиняться?

– За то, что потратил мое время. Я думал, что ты готов, но оказался не прав.

Мэтт выдерживает неделю. Ему хочется узнать, что имел в виду Стик, но он терпит. Нельзя так легко сдаваться.

Он приходит к зданию вечером и открывает старую дверь.

Он шарит тростью по полу. Ничего. Коридор чист – ни препятствий, ни мусора. Мэтт входит внутрь. Воздух сырой, пахнувший мучнистой росой и плесенью. Невидимые споры проникают в его легкие. Дом кажется совсем ветхим. Лишь бы прямо на голову не обрушился.

– Через десять шагов налево! – Откуда-то издали Мэтт слышит голос Стика.

Он делает, как велено, и оказывается у лестницы, ведущей, как ему кажется, в подвал.

Мэтт осторожно спускается, нащупывая тростью каждую ступеньку, как учили в больнице.

Тук-тук. Ширина ступеньки примерно полметра.

Тук. Расстояние между ступеньками нормальное.

Мэтт добирается до самого низа.

– Ну как, гордишься собой? – спрашивает Стик. – Тебе эта трость ни на кой не сдалась. Точнее... ходить тебе она точно не поможет, а вот использовать ее как оружие вполне можно.

Мэтт молчит. Он уже уяснил, что Стик говорит загадками лишь для того, чтобы спровоцировать Мэтта на вопросы. Нет уж, такой радости Мэтт ему не доставит.

– Что, дома не сидится?

– Любопытство заело.

– Не сомневаюсь. Раз уж ты здесь, будь добр слушать меня. Если хочешь быстро прийти в форму, придется хорошенько потрудиться и соблюдать определенные правила.

Мэтт не задает вопросов, и Стик, похоже, разочарован. Мэтт не дает ему возможности позлорадствовать.

– Будешь тренироваться здесь все свободное время. Не знаю, выйдет ли из этого толк – уж слишком ты недисциплинирован, самовлюблен и эмоционален, а именно эти три качества я больше всего не люблю в людях. Но в твоём случае я готов рискнуть.

– Почему? – не выдерживает Мэтт. – Чем я это заслужил?

– У меня нет выбора. Мне понадобится любая помощь.

Спустя недели Стик по-прежнему утаивает от Мэтта, зачем тот ему понадобился. В конце концов Мэтт перестает спрашивать. Для него это больше не имеет значения. Может, это и глупо, но это правда. Все его мысли теперь занимают лишь тренировки в подвале.

– Нет! – кричит Стик. – Ты уже говорил, что можешь чувствовать ветер. Теперь учишь чувствовать воздух.

– Как можно почувствовать воздух?

Мэтт вспотел. Он разозлен – вот уже пятый раз подряд он врезался в тренировочный манекен.

– Пацан, воздух окружает тебя повсюду, иначе как ты дышишь?

– Он же не движется!

– Ему и не надо двигаться. Остановись и успокойся.

Мэтт следует совету и делает несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Впускает чувства в свой мозговой «кабинет» – не все, а только те, что нужны, чтобы почувствовать нечто... *больше*.

В окружающем его мраке происходит какое-то движение, какая-то пульсация. Местами тьма становится тяжелее, обретая подобие формы, а местами – легче. На сетчатке глаз вырисовываются неровные угольно-серые силуэты.

– Постой, – тихо говорит Стик. – Сосредоточься на воздухе. Почувствуй, как он соприкасается со всеми предметами в зале.

Дыхание Мэтта замедляется. Серые и черные фигуры переплетаются. Он чувствует едва заметное движение вокруг них, будто волны горячего воздуха над асфальтом. Он концентрируется на этих невидимых волнах, и серые и черные силуэты становятся лучше различимы, складываются в линии и формы.

И снова искажаются. Мэтт готов выйти из себя. Ничего не получается.

В этот момент фигуры обретают более четкие очертания. Контуры и выступы. Холмы и впадины. Будто он смотрит вниз с горной вершины.

Картинка опять меняется, на ней появляется круг. Озеро посреди ландшафта?

Нет.

Восприятие Мэтта улучшается. Он будто видит оптическую иллюзию, как на тех картинках, по которым трудно определить, кто на них изображен – девушка или старуха. Воображаемые горы и долины меняют очертания, и Мэтт понимает, что видит лицо Стика. А круг – это его рот.

– Ну что, понял? – говорит Стик. – Воздух окружает тебя постоянно, надо только научиться его видеть.

Восхищенный Мэтт крутит головой по сторонам, и резкое движение разрушает картинку. Она разлетается на тысячи осколков, когда он теряет концентрацию. Мэтта вновь окутывает тьма.

– Тренируйся, – говорит Стик, – и все получится.

Проходят месяцы. Подвал становится для Мэтта вторым домом, его убежищем.

Обителью надежды.

Он прислушивается. Чувствует воздух, сопоставляет звуки с уже известным ему набором.

Натяжение тетивы.

Скрип изгибающегося дерева.

– У вас лук, – говорит Мэтт. – Зачем двум слепым лук?

– Вот зачем.

Мэтт слышит, как натягивается тетива. Следует свист и гулкий удар. Мэтт выжидает.
– Ну? – подгоняет его Стик.

– Что «ну»? Вы выстрелили из лука. В потолок, не иначе.

– Не смешно. Ты прекрасно знаешь, куда попала стрела.

Мэтт идет к стене и ощупывает зону, куда, по его мнению, попала стрела. Он находит там мишень с небольшим углублением в самом центре. Стрела торчит оттуда. Он вынимает ее и трогает наконечник. Тот теплый, а значит, Стик не воткнул ее туда заранее. Не то чтобы Мэтт имел основания заподозрить Стика в обмане, но проверить на всякий случай стоило.

– Твоя очередь, – говорит Стик.

Мэтт принимает от него лук и стрелу. Лук легче, чем он ожидал, но управляться с ним труднее, чем Мэтт мог бы подумать. Он натягивает тетиву и чувствует, как дрожат мышцы.

– Еще тяни. – Стик хлопывает его по плечу.

Мэтт пытается натянуть тетиву сильнее, что очень не нравится его плечу.

– Держи и не отпускай.

– Зачем? – шипит Мэтт сквозь сжатые зубы.

– Сперва ты должен научиться контролировать лук. Чем бы ты ни занимался, контроль превыше всего. Запомни это, пацан.

Мэтт держится. Его мышцы гудят, на лбу выступает испарина.

– Сколько еще?

Ответа нет.

Он раздается спустя минуту.

– Хватит.

Мэтт с облегчением отпускает тетиву, и та задевает предплечье, сдирая кожу. Стрела рикошетом от стены улетает в окно.

– Плохо. Давай еще раз.

– У меня кровь идет!

– Ну и что? Давай.

Борясь с болью, Мэтт берет новую стрелу и повторяет те же действия, дожидаясь команды Стика. В этот раз стрела вонзается в стену, но слишком далеко от цели.

– Не годится. Заново!

Испытание повторяется снова и снова, и Мэтт уже еле поднимает руки. Его мышцы будто раскисли. Он весь взмок, и соленый пот обжигает раненое предплечье.

Он раз за разом промахивается, и с каждой попыткой все сильнее и сильнее.

– Не надо бороться, – говорит Стик.

– С кем?

Капли пота стекают на глаза, и Мэтт моргает.

– С луком и стрелой. Ты пытаешься управлять ими.

– А что мне еще делать?

– Ты должен стать с ними единым целым.

Мэтт отпускает тетиву и опускает лук.

– Не понимаю...

Он слышит свист и отшатывается, но недостаточно расторопно. Палка бьет его по плечу.

– Я что, дал команду остановиться?

– Но...

– Дал или нет?

Вздыхнув, Мэтт снова поднимает лук и натягивает тетиву.

– Всегда найдется кто-нибудь, кто будет быстрее и точнее тебя. Стрела должна стать *продолжением* тебя. Ты должен быть един со своими кулаками, ногами, мечом, нунчаками, чем угодно. Не сможешь – умрешь.

Умру? Что он несет?

– Вы что, хотите сделать из меня какого-то супербандита?

Стик похлопывает его по плечу.

– Нет, пацан.

– Это радует.

– Если бы мне понадобился супербандит, я бы выбрал кого-нибудь поумнее. Хватит болтать, стреляй.

Мэтт натягивает тетиву до упора, делает несколько глубоких вдохов и возвращается в свой «кабинет». На этот раз он отгораживается от всего, оставляя лишь себя, лук и мишень. На этих вещах он полностью концентрируется, выравнивая дыхание, пока остальные предметы не перестают для него существовать. Мэтт ощущает, как напряжение передается от его бицепсов вниз к ноющим запястьям и далее к дрожащим пальцам. Он чувствует стрелу от оперения до наконечника, сливается с ней, пока та не становится частью его тела. Затем он перемещает сознание к мишени, притягивает ее к себе, ощупывая невидимую линию полета стрелы к цели.

И спускает тетиву.

Тук.

– Получилось! – Мэтт опускает лук, забыв о жгучей боли в плече и шее. – Я попал! В яблочко?

– Нет.

Мэтт разочарованно опускает голову. Он рассчитывал, что его усилия не пройдут даром и он попадет точно в центр.

– Ты попал в мишень, что уже неплохо. Давай еще раз.

– Но...

– Никаких «но»!

Времена года сменяют друг друга. Все это время Мэтт находится в тумане изнеможения и эйфории. Он чувствует себя волшебником. Его чувства – его сила; сила, способная сделать его *другим*. Сделать его *лучше*. Особенно хорошо он чувствует себя по ночам, когда просыпается задолго до рассвета и сбегает из дома по пожарной лестнице к Стику.

Они путешествуют по городу, перебираясь с крыши на крышу, вдали от мирской суеты. Тьма прячет их от посторонних глаз. Высота не имеет значения, а пропасти между зданиями – всего лишь новый вызов. Этими ночами для Мэтта важен лишь ветер, бьющий в лицо и создающий серые, складывающиеся в объемные фигуры, силуэты.

Это настоящая жизнь.

Глава 5

Восемь лет назад

Ларкс считает, что большинство людей вполне устраивает просто плыть по течению. Каждый день он видит вокруг их лица, проникнутые грустью и безнадегой. Они никто. Они впустую тратят дарованную им Господом жизнь. Не смотрят по сторонам. Не живут настоящим. Они просто считают дни, не замечая окружающего их мира. Каждый день у них проходит по одному и тому же плану: проснуться, пойти на постыльную работу, вернуться домой. Принять таблетки, чтобы заглушить боль. И так день ото дня, с небольшими вариациями в зависимости от индивидуальных особенностей. Иногда они могут пропустить вечером пару стаканчиков или пообедать с секретаршей. Какая разница, все равно результат один – они ворочаются в кровати, страдая от бессонницы и осознания того, что завтра повторится та же история. Такая у них жизнь.

Хуже всего то, что они не протестуют. Понимая, что их жизнь утекает, как вода в унитаз, они все равно отказываются что-то менять. Они трусят. *Терпят.*

Привыкают.

Ларкса от этого тошнит.

Но есть один человек, с чьим видением мира не сравнится никто. Человек, который видит новые горизонты и открытые ему возможности.

Уилсон Фиск.

С их первой встречи Ларкс знал, что пойдет за ним хоть на край света. С этим человеком Ларкс мог добиться многого. Он верил в это столь же истово, как домохозяйка из Луизианы верит, что телепроповедники-целители могут вылечить ее от астмы.

Ларксу кажется, что из Фиска вышел бы неплохой телепроповедник. У него есть обаяние. Харизма. Местами он похож на библейского персонажа – такого, что мог бы сказать: «Не связывайся со мной, сынок, а то гореть тебе в адском пламени».

Ларкс щурится от вечернего солнца, оранжево-красный круг которого подернут грозowymi тучами. Ларкс подозревает, что сегодня самый жаркий день в году, но его это не беспокоит. Жара ему не докучает, ведь они с Фиском идут собирать дань для Ала Спилотро, правой руки Риголетто.

Спилотро родился и вырос в Адской Кухне и потому ревностно охраняет свою территорию. То, что он отправил за деньгами Фиска, говорит о том, что он видит в нем то же, что и Ларкс.

Они с Фиском сворачивают на Западную Тридцать первую. Тут лишь одна точка – семейная мясная лавка. Владеют ей мистер и миссис Бреннан. Вообще-то лавка находится за границами Адской Кухни, фактически на территории, подконтрольной Триаде, но покровительство Триады супругам Бреннан не по душе – в немалой степени потому, что Фиск с Ларксом последние несколько месяцев крушили окрестные магазины. Тогда Бреннаны попросили о защите Спилотро, и их неприятности чудесным образом прекратились. Теперь Бреннаны разболтают об этом соседям, и Западная Тридцать первая примкнет к владениям Риголетто.

Как говорит Фиск, тише едешь – дальше будешь. Расширять сферу влияния и зарабатывать репутацию необходимо так, чтобы не вступать в прямой конфликт с Триадой.

В этот погожий летний денек народ высыпал на улицу. Старики играют в домино, дети гоняются друг за другом по проезжей части, не обращая внимания на гудки машин. Фиск и Ларкс минуют бар с летними столиками, за которыми клиенты потягивают пиво и виски.

Хозяин бара, лысый крепыш по имени Джо Филдинг, прерывает сбор грязных стаканов.

– Добрый вечер, мистер Фиск, – учтиво говорит он.

Местные всегда вежливы с Фиском, даже те, кто не платит дань мафии. Они все равно знают, на кого он работает.

Фиск останавливается. Ларкс в нескольких шагах позади внимательно наблюдает за окрестностями.

– Как дела, Джо? – спрашивает Фиск.

Джо оглядывается вокруг, желая убедиться, что никто не подслушивает.

– Неважно. Пару дней назад меня опять обнесли.

Фиск изображает искреннее удивление.

– Жаль слышать.

Джо кивает.

– До последнего цента обчистили, – грустно говорит он.

– А куда твои друзья смотрят?

Твои друзья. *Триада*.

– А никуда. От них ни слуху ни духу.

Фиск качает головой.

– Джо, вот я бы это так не оставил. Я сам здешний, вы все мне как родные.

Вот поэтому Спилотро и выбрал Фиска. Ему нужен был человек из местных, у которого дух Кухни в крови.

– Вы к Бреннанам? – спрашивает Джо.

– Точно, – обезоруживающе улыбается Фиск. – Время для еженедельного визита.

– В таком случае не смею вас задерживать. – Чуть помявшись, Джо подходит к Фиску поближе. – Может, и ко мне будете иногда заглядывать? Пропустить стаканчик за счет заведения?

– Сочту это за честь, – говорит Фиск. – Заодно и ограбления обсудим.

Джо облегченно улыбается.

– Здорово. До встречи, мистер Фиск. Берегите себя.

– И ты, Джо, и ты.

Фиск продолжает путь, Ларкс шагает за ним. Что ж, у Риголетто еще один клиент. Скоро вся улица будет принадлежать им. А тогда... можно будет и в доки заглянуть. Без боя Триада доки не сдаст, и Риголетто не захочет рисковать и злить врагов, а вот Фиск...

Ему плевать. Ларксу известно, что у него грандиозные, далеко идущие планы.

И Ларкс будет рядом до конца.

Глава 6

Семь лет назад

У надежды есть свои минусы, главный из которых – как ни удивительно, сама надежда. Так думает Джек. Надежда – дама коварная. Она ждет, пока ты расслабишься и решишь, что все хорошо, и тогда наносит удар. И чем дольше у тебя все хорошо, тем сильнее страх, ведь ты знаешь – черт побери, ты *уверен*, – что случится что-нибудь плохое. Ужасное.

Вот, например, сейчас Джек чувствует себя отлично, и его это беспокоит, ведь прежде, с учетом всех обстоятельств, он никогда не был по-настоящему счастливым. Он с трудом сводил концы с концами. Выживал.

Но теперь... у Мэтта все хорошо, гораздо лучше, чем можно было себе представить. Сын не перестает его удивлять. Если бы сам Джек ослеп – а не проходит и дня, чтобы Джек не желал этого, – он бы не знал, что делать. Но Мэтт стал сильнее после происшествия. Порой Джеку кажется, что сын видит даже лучше него.

Мэтт без устали учится, и Джек не может без улыбки смотреть, как он водит пальцем по страницам дорогуших учебников, написанных шрифтом Брайля. О тратах Джек не жалеет. Мэтт – способный парнишка, и Джек верит, что он когда-нибудь прославит имя Мёрдоков. Сам-то Джек не оставит после себя заметного следа в истории.

Джек Мёрдок? Кто это? Боксер? Он выигрывал что-нибудь? Что? Он еще рестлингом занимался? В красном костюме с рогами и хвостом? Да, припоминаю такого. Прозвище Сорвиголова помню, а вот настоящее имя – нет.

Хочется надеяться, что с рестлингом покончено. Риголетто не устраивал ему костюмированных схваток уже несколько месяцев, а вот настоящие бои пошли чередой. Тяжелые бои, с молодыми противниками (да, малыш Джеки, сейчас вообще сложно встретить на ринге кого-то старше тебя), но он пока не потерпел ни одного поражения. Шесть побед подряд. Следующий бой – главный в его карьере. Его ждет арена Мэдисон-сквер-гарден. Нужно показать, что у него еще есть порох в пороховницах.

Сбором подати для Риголетто он тоже теперь не занимается. Наверное, тот нашел нового громилу, которому такая работа больше по душе.

В Джеке проснулись новые силы. Вернулась былая гордость.

И надежда.

Ранним утром Джек совершает пробежку по Центральному парку. Вокруг него люди выгуливают собак, прохаживаются пожилые парочки, мамы катят по лужам коляски. Джек любит это время суток, когда уже светло, но никто еще не успел получить порцию дневного стресса и раздражения. В этот час все могут притвориться, что они счастливы и что вся жизнь впереди.

Раньше Джек тоже был из таких. Теперь, впрочем, он способен оставаться в таком настроении целый день, забыв о всех привычных для жителя Адской Кухни невзгодах.

Он бежит трусцой по дорожке. Легкие горят, но это естественное ощущение. Он чувствует себя хорошо. Ночью прошел дождь, и вокруг мокро и серо. В воздухе пахнет свежей травой – редкий для города запах, и Джеку он нравится. В такое время цвета особенно яркие и насыщенные. Кора деревьев, трава, цементная дорожка, земля. Черная и сырая. Чистая.

В день Джек пробегает не менее пятнадцати километров – для боксера это норма. По телевизору часто показывают, как боксеры тянут штанги в зале, но это глупость – от поднятия тяжестей ты становишься неповоротливым. Боксеру нужна сила и скорость. Тебе нужно

бегать, прыгать через скакалку, таскать за собой шины. Это бюджетный, но эффективный метод тренировок.

Он останавливается у фонтанчика на окраине парка, чтобы попить. Закончив, он оборачивается и видит подъезжающую машину. Хорошего настроения как не бывало.

Риголетто.

Боковое стекло опускается.

– Мёрдок, не перетрудись. Ты уже не пацан.

Джек старается держать себя в руках – может, пронесет.

– Надо держать себя в форме, мистер Риголетто, чтобы не прервать победную серию.

Сперва на лице Риголетто появляется недоумение, а затем ухмылка.

– Мёрдок, ты что, думаешь, что *сам* выиграл все эти бои?

Джек удивленно прищуривается. Теперь его черед недоумевать.

– Тебе совсем мозги отбили? Все бои были договорными. Я подстроил так, чтобы ты одержал эти шесть побед.

Джек мотает головой.

– Не верю. Я побил их в честной борьбе.

– Мёрдок, мне нужно было, чтобы о тебе начали говорить. Теперь ты фаворит боя в Гардене, все ставят на тебя.

– Я выиграю.

– Нет, ты проиграешь, – холодно отвечает Риголетто.

Тут до Джека доходит.

– Мистер Риголетто, я не...

– Мёрдок, прежние условия остаются в силе, – ухмыляется Риголетто. – Как там твой сынишка? Справляется?

Они молча смотрят друг на друга.

– Упадешь в четвертом раунде, да поубедительнее. Обещаю хорошую премию.

Окно закрывается, и автомобиль отъезжает. Джек провожает его взглядом.

Джек не сводит с машины глаз, пока та не исчезает вдаль, и вдруг понимает, что весь трясется от ярости. Он с трудом сдержался, чтобы не сунуть руки в окно и не свернуть Риголетто шею.

Перед встречей с Риголетто он уже собирался домой, но теперь возвращается в парк и бежит еще пару часов, чтобы успокоиться.

Успокоиться не получается.

Когда усталый и промокший до нитки от пота Джек возвращается, Мэтт уже дома, сидит за кухонным столиком и читает книгу.

– Привет, – говорит Мэтт.

– И тебе привет. Я в душ.

Мэтт прерывает чтение и поворачивается к отцу.

– Все хорошо?

Джек медлит с ответом. Врать не имеет смысла. Одному Богу известно как, но в последнее время сын хорошо научился чувствовать ложь.

– Волнуюсь. Завтра важный бой.

Мэтт улыбается.

– Пап, ты в отличной форме. Обязательно победишь.

Джек молчит. Он идет в ванную, запирает дверь и прислоняется к обшарпанной стене. Включив горячую воду, он напускает побольше пару, забирается в ванну и стоит по душам, пока его кожа не краснеет.

Вечером за ужином Джек наблюдает за сыном. После несчастного случая прошло три года. Три года назад он думал, что потерял Мэтта. Он и сейчас как наяву помнит, каким беспомощным чувствовал себя тогда. Как злился на себя и на весь мир.

Джек помнит, как кричал Мэтт спустя недели, успокаиваясь только когда его накачивали таблетками – но и тогда он все равно ворочался и бормотал что-то во сне, жалуясь, что вокруг слишком шумно и требуя от отца, чтобы тот попросил всех замолчать.

– Куда устался? – спрашивает Мэтт.

Еле заметно улыбнувшись. Джек качает головой.

– Да так, в окно смотрю.

– Опять обманываешь.

Это не вопрос, а утверждение. Джеку доводилось слышать, что после потери одного из чувств у некоторых людей другие становились острее, но не до такой же степени? Это что-то из области фантастики.

– Ты правда думаешь, что я могу выиграть?

– А то! Я тебя никогда в такой хорошей форме не видел. Ты его по рингу размажешь!

Упадешь в четвертом раунде, да поубедительнее.

– Ты в чем-то сомневаешься? – спрашивает Мэтт.

Джек притворно улыбается.

– Я? Да нет. Разделаюсь с ним в два счета, – он допивает воду из стакана и наливает из крана еще. – А ты как? Готов к поступлению в юридический колледж?

Самое время сменить тему, чтобы Мэтт ни о чем не догадался.

– Еще как готов.

– Молодец. У тебя все получится, сынок. Ты у меня послушный, кому как не тебе следить, чтобы другие не нарушали закон. Пора тебе покинуть родные пенаты, или как там говорят.

– Да, так и говорят.

Теперь уже Джек чувствует, что что-то не так. Для него это редкость. Особой пронительностью он никогда не обладал, да и род деятельности этому не способствовал. Сложно быть пронительным, когда тебя постоянно колотят по голове. Джек возвращается за стол.

– В чем дело?

– Все в порядке.

– Мэтт...

Мэтт вздыхает.

– Когда я уеду, кто будет о тебе заботиться?

– Кто? – Джек удивленно смотрит на сына и начинает смеяться.

Мэтт сердится.

– Что тут смешного?

Джек поднимает руки, показывая, что сдается.

– Ничего. Хороший у меня сын, вот что. Не волнуйся, я справлюсь.

Джек говорит это, а сам вспоминает вечера, когда он накачивался виски под «Роллинг Стоунз» и часами разглядывал фотокарточку Мэри. Мэтту приходилось на себе таскать его до спальни. Вспоминает, как Мэтт зашивал ему рассечения, заматывал ребра. Как ходил за продуктами, когда Джек с похмелья не мог и шагу ступить.

«Господи, – думает он, – какой я ужасный отец».

Джек тянется через стол, и, поколебавшись, берет сына за руку. От удивления Мэтт едва ее не отдергивает. Объятия и прочие нежности никогда не были по части Джека, и об этом он тоже жалеет.

– Мэтт, думай о своем будущем, хорошо? Я справлюсь. Ты всегда обо мне заботился, но теперь пора заботиться о себе. Начать нормальную жизнь, подальше от этой... адской дыры.

Джек крепко жмет руку сына и отпускает.
Мэтт не произносит ни слова в ответ.

МЭДИСОН-СКВЕР-ГАРДЕН

Толпа – как наркотик. Она всегда оживляет Джека, дает ему силы.
Сегодня они ему понадобятся.

Противник хорош, быстр. Быстрее Джека.

Но Джек умеет держать удар. Его секрет в том, чтобы позволять парню себя доставать. Один раз, другой, третий. Затем отвечать. Хуком, джебом, апперкотом – не важно, главное, чтобы это было неожиданно.

По глазам парня Джек видит, что тот не ожидал такого боя. Он практически может прочитать его мысли. *Да что этот старик о себе возомнил? Сколько ему – под полтинник? Он всерьез считает, что справится со мной?*

Спустя два раунда выражение лица парня меняется. Он получает рассечение и начинает боксировать более... уважительно? Или опасно? В то же время надменная улыбочка с лица парня не слезает. Будто он что-то знает.

Может, и так. Может, он в курсе, что Джек должен упасть. Может, Риголетто нашел в нем замену Джеку. После сегодняшнего боя карьера Джека в любом случае окончена. Слейд, Ларк и Фиск начнут распространять по району слухи, что Джек сдал бой. Его перестанут уважать, ведь если и был чем-то известен Джек Мёрдок, так это своей честностью. Он будет биться до последнего. Никогда не сдаст бой. Он честный боец.

Поэтому Риголетто его и подставил.

Джек старается сосредоточиться на поединке. На сочных ударах перчаток по коже. На ободряющем гуле толпы. На ярких ослепительных вспышках – фотографии делать запрещено, но чертовы журналисты все равно снимают. Во рту привкус железа, глаза щиплет от пота. На брови сечка, от крови глаз слипаются. Джек пытается держать его широко открытым, чтобы кровь не скапливалась, но безуспешно.

Удар. Уклонение. Блок.

У парня капля ярко-розового цвета. Глупость какая. Джека она раздражает, и он старается на нее не смотреть.

Джеб. Удар под дых. Парень постоянно уходит в сторону, чтобы рефери не видел, и изо всех сил бьет Джека локтем в бок. Джек уверен, что слышит хруст, и отчетливо чувствует вспышку острой боли. Лишь бы легкое не проколоть.

Парень пользуется кратковременным замешательством Джека и против всех правил бьет его по затылку.

Джек даже впечатлен. В глазах искры, и в следующее мгновение он осознает, что лежит лицом вниз на испачканном потом и кровью настиле ринга. Как это вышло? Ведь идет всего лишь третий раунд.

Надо вставать.

Рефери ведет отсчет.

Четыре...

Пять...

Джек поднимается на колени. *Вставай, старый пень, тебя никто не должен видеть в таком жалком состоянии.*

Шесть...

Джек опирается на руку, чтобы обрести равновесие.

Семь...

Он на ногах. Толпа ликует, а парень удивлен. Не ожидал, что Джек поднимется после такого удара.

Рефери держит Джека за руки.

– Готов продолжать?

Джек кивает.

– Готов продолжать? – повторяет рефери.

– Готов! – отвечает Джек.

Рефери кивает и отпускает его руки. Не долго думая, Джек бросается в бой, мощно прикладывая парня в скулу. Надо преподать ему урок, чтобы в будущем лишний раз подумал, прежде чем пихаться локтями. Парень спотыкается и прижимается к канатам. Джек наседает, напрочь забыв о том, что должен проиграть. Он инстинктивно реагирует на страх в глазах противника и атакует.

Но тут гонг сигнализирует об окончании раунда.

Джек вынужден остановиться, и парень воспринимает это с облегчением.

Джек возвращается в свой угол, садится на табурет.

Пока над ним колдует тренер, вытирая кровь и щедро намазывая бровь вазелином, подходит Слейд и опирается на канаты.

– Мистер Риголетто просил напомнить, что в следующем раунде ты должен упасть.

Джек не отвечает.

– Мёрдок.

Джек оборачивается и видит, что Слейд ухмыляется.

– Помни о сыне. Он здесь, на трибуне. Ты же не хочешь, чтобы с ним что-нибудь случилось?

Джек удивляется.

– Мэтт здесь?

Слейд кивает в сторону. Джек встает и сразу замечает сына – тот будто островок спокойствия посреди пьяной и кровожадной толпы.

Как он сюда попал? Он же и бой видеть не может.

– Наверное, решил поддержать своего старика, – во все зубы улыбается Слейд. – По крайней мере, он не увидит, как ты будешь падать. Во всем есть положительные стороны.

Звучит гонг.

Джек встает. Зрители тоже на ногах, орут, словно дикари – все, кроме Мэтта. Тот сидит, зажав между колен белую трость. В стеклах темных очков отражается свет прожекторов.

Он ждет.

Слушает.

– Мэтт, это для тебя.

Ему показалось, или Мэтт слегка дернул головой, будто услышал его слова? Нет, это невозможно. Сквозь такой рев ничего не разобрать.

Но сын медленно встает и поворачивается лицом прямо к отцу. Джек смотрит на него и чувствует умиротворение. Сын – его гордость, важнее его в жизни ничего нет. Мэтт идет прямо к нему, улыбаясь, и Джек понимает, что он все знает. Знает, что в этом раунде отец победит.

Джек улыбается в ответ.

Он вкладывает в удар всю свою мощь. Всю накопившуюся за многие годы ярость. Всю ненависть к Риголетто. Всю боль от потери Мэри. Все. Все его эмоции питают единственный удар.

От его апперкота парня аж подбрасывает в воздух.

Джек отходит назад, опуская руки.

Парень шлепается на ринг, будто тряпичная кукла. Приземляясь, он прикусывает язык, и кровь хлещет изо рта. Его голова болтается туда-сюда.

Рефери бросается к нему и начинает отсчет.

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пять...

Шесть...

Семь...

Восемь... Девять... Десять...

Нокаут. Рефери подходит к Джеку и вздергивает вверх его руку. Он победил.

Толпа безумствует. Джек пытается найти Мэтта, но того со всех сторон обступили беснующиеся болельщики.

Джек оглядывается на свой угол и видит, что Слейд смотрит на него с... сожалением? Гангстер скрывается в толпе. Пошел искать Риголетто.

Джек не боится. Он поступил так, как должен был. Доказал и себе, и Мэтту, что способен на последний подвиг. Пусть он неудачник, но он не обманщик.

Он отворачивается и не торопясь пролезает между канатами. За ним наверняка наблюдают, так пусть знают, что ему не страшно. Все вокруг кажется нереальным: цвета чересчур яркие, звуки непривычно громкие и отчетливые. Джек чувствует запах попкорна, пива, хот-догов и пота.

Он уходит с ринга под одобрительные похлопывания по спине. Кто-то хочет пожать ему руку, кто-то, наоборот, осыпает его ругательствами. Джек ни на кого не обращает внимания. У него осталось мало времени.

Прятаться от Риголетто Джек не собирается. Если бы собирался, то придумал бы план побега. Собрал бы вещи, купил бы билеты на самолет или взял напрокат машину. Уехал бы подальше, предварительно отослав куда-нибудь Мэтта.

Или попросту не явился бы на бой. Они с Мэттом могли бы уехать из Нью-Йорка, своего родного города. Но куда бы они отправились? Он совершенно не знает страну. Да и как представить Мэтта в бегах?

Нет, он собирался выполнить указания, как обычно. Быть хорошим мальчиком и слушаться доброго главаря мафии. Сделать что велено. Но увидев среди зрителей Мэтта, он изменил решение.

Он не мог так поступить. Не мог подвести сына. Сын верил в отца, и ни один отец в мире не мог бы закрыть на это глаза.

Пусть ему и придется за это заплатить.

Джек покидает арену с черного хода и оказывается в подворотне. Капает дождик, капли мерцают в свете уличных фонарей. В маслянистых лужах на асфальте отражаются огни проезжающих машин.

Раздаются шаги и плеск воды.

Джек останавливается. Вдохнув, он сует руки в карманы. Риголетто легок на помине.

Он даже не оборачивается.

– Валяйте, – говорит он.

Слейд, Макхейл, Гиллиан. Анджело и Марчелло налетают на него с кулаками и железными трубами. Он не сопротивляется, в этом нет никакого смысла. Джек понимает, что выкрутиться не удастся. На ринге он подписал себе смертный приговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.